Алёна Сереброва

Солнце для призрака

Алёна Сереброва

Солнце для призрака

«Автор»
2026

Алёна Сереброва

Солнце для призрака / Алёна Сереброва — «Автор», 2026

В поисках вдохновения Мью возвращается в родной город. Однако родительский дом оказывается пуст, а у порога ждёт призрак незнакомой девушки. Которая явно желает его смерти.Или сказанные ею слова можно трактовать как-то иначе?

© Алёна Сереброва, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. 6
Глава 1. 8
Глава 2. 14
Глава 3. 21
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Солнце для призрака

Солнце для призрака

Пролог.

Мью вздрагивает, когда с головы снимают мешок, и судорожно втягивает носом воздух: горьковато-маслянистый, с примесью древесных нот и чего-то ещё, чего разобрать не удаётся.

Одновременно с этим запахом приходит и свет. Яркий луч, будто прожектор, бьёт прямо в глаза, причиняя боль и вышибая слёзы. Мью смаргивает, но даже головы повернуть не успевает. Голос приходит раньше...

— А теперь поговорим, Кхун[1]Любопытный.

Он насмешки, холода и равнодушия, которыми пропитан этот голос, пробирает колкой дрожью.

— О чём?..

Собственный голос звучит настолько сипло и слабо, что он замолкает, не желая показывать перед незнакомцем своей слабости. И страха, который поднимается из глубины, когда он понимает, что связан. Запястья, как и локти, профессионально стянуты за спиной, в которую упирается твёрдая спинка стула. И он совершенно не помнит, как оказался здесь.

«Как в дешёвом кино...»

Ему бы было смешно, происходи всё это где-нибудь в другом месте и не с ним. Происходи это на самом деле на съёмочной площадке, а не в реальной жизни...

Яркий свет неожиданно перекрывает высокая, тёмная фигура, что позволяет Мью не только перестать жмуриться, но и оглядеться.

Правда это мало чем помогает.

То, что удаётся рассмотреть в пределах яркого луча света похоже то ли на склад, то ли на подвал: голые стены, каменный пол... Мью поднимает взгляд, но вместо лица незнакомца видит лишь тьму.

— Утолили своё любопытство, Кхун? А теперь утолите наше.

Стоит затихнуть отзвуку холодного голоса, как слуха касаются шаги. Они звучат вразнобой, будто сразу несколько человек подступают ближе или просто переступают с ноги на ногу, заявляя о своём присутствии. Вслед за звуком меж лопаток начинает фантомно зудеть, как от пристального взгляда, и он передёргивает плечами, насколько это позволяют связанные руки.

— Ну-ну, не бойтесь, — по-своему понимает этот жест незнакомец и в голосе его слышится холодная улыбка. — Мы просто поговорим. Пока.

От этого «Пока» по спине ползёт холодок.

— Итак. Будьте хорошим мальчиком, Кхун Знаменитость, и поделитесь с нами тем, что вы видели.

— Что?..

Вопрос срывается с губ прежде, чем он успевает его придержать. Голос звучит так тихо и тонко, будто мяуканье котёнка.

Слабого и беспомощного.

И эта слабость горечью оседает на корне языка.

— Я не понимаю...

В этот раз выходит куда как лучше. Уже не так слабо и тихо.

Только договорить не удаётся. Его прерывает резкое движение и громкий, характерный щелчок.

Дуло, что смотрит ему в лицо, невозможно ни с чем перепутать.

---

[1] Кхун, Пи, Нонг — обращения в Таиланде. Пи — к близкому человеку, который старше вас (старший брат/сестра), не обязательно родственники. Нонг — так же, как «Пи», только к младшему. Кхун — что-то вроде «господин»/«госпожа». Обращение может использоваться как вместе с именем, так и вместо него.

Этот маленький опасный туннель Мью прекрасно различает даже в отбрасываемой фигурой тени.

— Расскажи по-хорошему или... Мы начнём по-плохому. Например... С коленных чашечек? Вам, Кхун Знаменитость, в вашей работе ноги не то чтобы важны. Ведь правда?

«Как банально...»

Мью едва не говорит это вслух, лишь в последний момент прикусывая язык и не позволяя словам сорваться с губ.

— Я не понимаю, — повторяет он, глядя в маленький чёрный туннель и чувствуя, как изнутри поднимается волна нервной дрожи.

Он действительно не понимает, что они от него хотят. Чего требуют.

— Ваше здоровье, я так понимаю, вас не волнует?

Человек наклоняется ближе, настолько, что Мью кажется, будто он начинает различать в темноте черты чужого лица. Однако мысли об этом вылетают из головы, когда бедра касается ствол. Человек надавливает им на ногу, будто давая понять, что может произойти дальше, и внутри Мью холодеет. Слишком уж наглядный намёк. Наглядный и неприятно страшный. Особенно когда ствол упирается в колено. Всего одно нажатие и...

Мью сглатывает, стараясь не думать о том, что будет и зажмуривается.

Ответа, что им нужен, у него всё равно нет. Однако они в это не поверят.

— Или, может быть, начать с вашей мамы?

От внезапного вопроса, что звучит в установившейся тишине подобно тому самому выстрелу, который так и не был сделан, внутри у Мью всё застывает, а глаза помимо воли распахиваются.

— Она, правда, в Чиангмае, — продолжает говорить человек, намеренно лениво растягивая слова и будто бы... улыбаясь. — Но это ничего...

— Нет! — Мью дёргается в попытке выбраться, только сейчас, при упоминании матери, сбрасывая оцепенение. — Не трогайте мать! Она ничего не сделала!

— Тогда скажи, что я прошу.

Человек отстраняется, снова вырастая над Мью тёмной глыбой.

— Но я не...

— Мне назвать её адрес?

Смешок сменяется новой порцией слов. Человек говорит медленно, с расстановкой, так чтобы до Мью дошло, что он действительно знает.

Улица, дом...

Он действительно знает, где живёт мать Мью.

Глава 1.

Предрассветная тьма окутывает со всех сторон, уступая лишь мягкому свету горящих впереди лампочек. Там, по другую сторону металлических решётчатых ворот, сияет гирлянда, освещая небольшой дворик и часть светлого двухэтажного дома.

Его дома.

Мью растерянно оглядывается, но темнота надёжно скрадывает очертания улицы, пряча её от чужих взглядов. И свет с соседних участков ничуть не помогает, выглядывая из-за заборов не для того, чтобы осветить дорогу, а разве что облизать её по краям.

Ни души. Ни звука. Только Мью один в этой темноте.

Обняв себя за плечи, он снова оглядывается, но вокруг ничего не меняется. Как и не появляется рядом чемодана или хотя бы сумки, которые должны быть. Мью не любит отправляться в поездку налегке. Особенно на большие расстояния. А от Бангкока до Чиангмая путь неблизкий.

Если только багаж не потеряли при перелёте...

Тогда почему он здесь, а не в аэропорту и не разбирается с этим?..

Мью зарывается пальцами в волосы, чувствуя, как начинает болеть голова. Он не может вспомнить ни перелёт, ни поезду от аэропорта до дома. Ничего. Вместо воспоминаний — тьма, почти такая же, как та, что окружает его сейчас.

Шаг в сторону ворот почему-то даётся с трудом.

Пальцы подрагивают, когда Мью кладёт их на прохладную решётку и тут же отстраняется.

«Ключ».

Отступив на шаг, он лезет в карман в поисках ключей, но не успевает даже сунуть туда руку. С тихим щелчком ворота медленно ползут в сторону, открываясь.

Мью сглатывает, глядя на образовавшийся проход. Узкий зазор в чуть приоткрытых воротах одновременно манит и предостерегает. Горящие у дома лампочки выглядят уже не так ярко и успокаивающе, будто нашёптывают: «Входи, но мы не можем тебе ничего обещать».

«Хорошо».

Под мягким давлением руки ворота идут в сторону, позволяя наконец-то переступить порог, и с тихим щёлчком закрываются, стоит только Мью отступить от них. Будто мышеловка захлопнулась.

Поёжившись, Мью на мгновение оборачивается в сторону ворот и спешно уходит к дому, веря, что внутри него будет гораздо безопасней. И никто не будет его так упрямо пугать.

«Ключи» — во второй раз напоминает себе Мью, но снова не успевает сунуть руку в карман.

С тихим щелчком открывается и эта дверь.

Нутро дома приветствует его выглядывающей наружу тьмой. Будто Мью случайно попал в кошмарный сон. Ему даже приходится ущипнуть себя за запястье под манжетой рубашки, чтобы убедиться, что это реальность.

Мью оглядывается на домик для духов[2], что притаился рядом с невысоким забором. Тот ярко сияет в свете сразу нескольких лампочек, словно маленький храм.

— Не надо так, хорошо? Я, в отличие от некоторых, не люблю хорроры.

---

[2] Домик для духов или Санпрапум. Небольшие домики расположенные рядом с жилыми домами, учреждениями, полями, фермами. Обычно их ставят сразу после того, как завершилось строение основного дома, в таком месте, чтобы тень от него не падала на домик и наоборот. Считается, что там живут духи защитники. Их регулярно подкармливают рисом, фруктами и другими различными продуктами или напитками, заботятся о чистоте и украшают, а порой ставят фигурки людей, животных или других благ.

Никто не отвечает, да Мью и не ждёт ответа, лишь улыбается, когда в воздухе разливается едва ощутимый запах чая, кокосового молока и чернил, и переступает наконец-то ещё один порог, прикрывая за собой дверь.

Уже сам.

Теперь он дома.

* * *

Солнце заглядывает в окно настойчиво и беспощадно. Будит, не давая и дальше покачиваться на волнах дрёмы.

Мью морщится, но всё же открывает глаза, обнаруживая себя спящим поперёк кровати.

Он совершенно не помнит ни как добрался до комнаты, ни как уснул. Тёмная улица перед домом — да. Почти такая же тёмная гостиная, едва подсвеченная отсветом лампочек снаружи — тоже да. Подножие лестницы и мысль, что нужно быть тише, чтобы не разбудить мать, тоже было, а вот потом...

Вздохнув, Мью поднимается, садясь на кровати.

Дальше в его голове провал, как и с перелётом из Бангкока в Чиангмай[3].

«Нужно больше отдыхать, и, может быть, заглянуть к врачу... Когда вернусь в Бангкок».

Как переодевался, Мью тоже не помнит, но сейчас на нём вместо брюк и рубашки шорты с футболкой. И ни намёка на какие-то другие вещи.

— Здравствуй, мистика. Добро пожаловать со страниц книг в мою жизнь. Давно не виделись...

* * *

— Мам?

Коротко постучав, Мью заглядывает в комнату матери, но там оказывается пусто. Распахнутые занавески, аккуратно застеленная постель, но неряшливо брошенная, будто в спешке, одежда... Мью хмурится, осматривая залитую мягким утренним светом комнату, но в глаза больше ничего не бросается.

— Мам, ты дома?

Он быстро спускается на первый этаж, вслушиваясь в тишину.

— Мам?

Часы рядом с холодильником показывают девять утра, подсказывая причину отсутствия, и Мью, поморщившись, дёргает за колечко в ухе. Это у учеников сейчас каникулы, учителям такой роскоши не положено.

— Значит, раньше вечера её можно не ждать...

Что-то мелькает на границе зрения и сердце в груди испуганно замирает, а пальцы выпускают едва открытую дверцу холодильника. Мью даже заглянуть в него не успевает, оборачиваясь следом за мелькнувшей тенью.

Глухой хлопок дверцы тонет в короткой ёмкой ругани, сорвавшейся с губ Мью и грохоте, когда он налетает спиной на холодильник, чувствуя, как бухает в груди сердце.

— Пап! Ну, я же сказал, что не люблю хорроры! Прекращай пугать!

— *Ты меня видишь?..*— растерянность на призрачном лице сменяется озабоченностью и лёгким пониманием. — *Впрочем, это естественно... Иначе и не...*

— Вижу, — сглотнув, с досадой подтверждает Мью, тем самым прерывая бормотание. — А ещё чувствую и слышу. Всегда так было. Прекращай пугать.

Отец ничуть не изменился, будто навсегда застыл в своём последнем дне, когда собирался на работу, но не успел даже из дома выйти: рубашка, брюки и... тапочки.

— *Всегда?..*

И снова на призрачном лице появляется растерянность.

---

[3] Чиангмай — крупный город на севере Таиланда и второй по величине после Бангкока.

— Всегда... — тихо подтверждает Мью. — Ты так активно пытался убедить меня, что призраки — это всего лишь моё воображение, что казалось легче согласиться.

Он слабо улыбается и отводит глаза, прежде чем ещё тише добавить:

— Да и мама всего этого всегда боялась...

— Ох... Мью...

— Да ладно тебе, — Мью улыбается шире, как обычно спеша успокоить отца, пусть тот и мёртв уже давно. — Всё хорошо. Прости, что не сказал раньше. Мог бы, когда ты умер...

— Мью...

На лице отца появляется странное сожаление и Мью спешит сменить тему, не желая слушать, что тот собирается сказать.

— Чего бы тебе хотелось? Сейчас сделаю или, может, чего найду... Или могу сходить купить. Твой любимый молочный чай, например. Хочешь? А вечером мама что-нибудь приготовит, и я принесу...

— Мью, — отец зовёт настойчивей, вынуждая обернуться и закрыть вновь едва открытый холодильник. *— Мама уехала, так что её пока не будет дома. Именно поэтому я открыл тебе ночью двери. Прости, если напугал.*

— Уехала?.. А как же работа?

Пальцы Мью рассеянно зарываются в волосы, зачёсывая чёлку назад.

— К тому же я говорил, что в Бангкок уезжаю максимум на неделю, а потом вернусь...

— У неё возникли срочные дела. Отложить никак нельзя было, — отец отводит взгляд. *— Не было возможности тебе сообщить. Прости её.*

— Хорошо... Не знаешь, как надолго она уехала? И куда? Я тогда сейчас сам чего-нибудь приготовлю...

— На неделю, может больше.

— На неделю...

* * *

«А может, меня ограбили? — Мью застывает от внезапно пришедшей в голову идеи на полпути к дому. — Это, по крайней мере, объяснило бы происходящее...»

— О чём задумался?

Вопрос застаёт Мью врасплох, заставляя вздрогнуть и едва не выпустить привезённый курьером пакет с продуктами из рук. Как и появление отца всего в паре шагов от него.

— Па! — шипит он, бросая быстрый взгляд на ворота, чтобы убедиться, что курьер уже курьер уехал. — Не делай так. И давай лучше поговорим в доме. Разговор с пустотой в сторонних глазах может вызвать много вопросов.

— Тут никого нет, — парирует отец, будто ему всё равно, что подумают о Мью соседи. *— Можешь не волноваться.*

— Ну конечно, — вздохнув, Мью поудобней перехватывает пакеты и всё-таки уходит в дом.

Он не ждёт, что отец последует за ним. Просто сбегает подальше от потенциальных любопытных взглядов и ушей. Однако отец оставлять его в покое, похоже, не собирается. Следует по пятам, едва не наступая на пятки.

— Так о чём задумался?

— Пап, серьёзно? Ты даже при жизни не был таким любопытным.

Коротко обернувшись, Мью возвращается к разгрузке пакетов.

— После смерти, знаешь ли, много не наговоришь. Не с кем.

— Ну, па-а-ап, — тянет Мью, оставляя продукты в покое и разворачиваясь. — Ну, хватит меня стыдить.

— Даже не думал. Так ты скажешь мне, о чём задумался, когда был снаружи?

— Хорошо, — Мью со вздохом отступает, прислоняясь спиной к холодильнику. — Я просто... Мне в голову внезапно пришла мысль, что меня могли ограбить. Это неплохо ложится на то, что я появился перед домом без вещей и до сих пор не могу найти ни кошелька, ни мобильника. Даже с курьером пришлось расплачиваться из заначки. Хорошо, что я всегда оставляю тут наличку... Да и... Вот.

Мью заканчивает свою речь осторожным касанием виска. Там, как он увидел, случайно заглянув в зеркало, красовалась небольшая, но явно довольно свежая ссадины. В остальном отражение не показало ничего нового. Всё те же короткие чёрные волосы с растрёпанной после сна чёлкой, узковатые тёмные глаза, кошачьи губы, если говорить словами некоторых, и колечки в ушах.

— Согласись, что всё выглядит логично? И провал в памяти может быть оттуда же. Шишки на голове, правда, нет, но...

В глазах отца отражается такая смесь из беспокойства и печали, что Мью тут же замолкает и поспешно убирает руку от лица.

— В любом случае всё уже в порядке. Деньги — это мелочи. Налички в кошельке было не так уж и много, а телефон новый куплю. Давно хотел сменить, — Мью натягивает на лицо бодрую улыбку. — Главное, что я жив. Остальное поправимо. Хочешь, твой любимый молочный чай сделаю? На кокосовое печенье меня не хватит, я не умею готовить так хорошо, как мама, но чай могу. И принесу тебе. Идёт?

Печаль в глазах отца сменяется грустью и Мью спешит отвернуться, прячась от этого странного взгляда, что вызывает мурашки.

— *Сделай,* — наконец-то отзывается отец. — *И принеси стаканчик.*

Запах чая, кокосового молока и чернил исчезает и Мью оборачивается лишь для того, чтобы убедиться, отца рядом уже нет.

* * *

— *Оставь благовония на следующий раз,* — твёрдо заявляет отец, когда Мью выходит со всем необходимым наружу. — *Просто чая будет достаточно.*

На улице уже начинает темнеть, а лампочки развешенной на участке гирлянды потихоньку разгораются, готовясь соперничать с льющимся из окна дома светом.

— Ты хочешь нарушить ритуал? — Мью вопросительно выгибает бровь и улыбается уголком губ. — Пап, я внук шамана, я прекрасно знаю, как надо действовать. Не говоря уже о том, что о правилах в данном случае знают все.

— *И порой спокойно их нарушают, так что это приемлемо. И ты всего лишь внук шамана, а я его сын. Хоть и мёртвый...*

Отец поджимает губы и слова о старшинстве, которыми Мью собирался его поддеть, застревают в горле.

— Хорошо, пап, пусть будет по-твоему.

Палочка благовоний, как и зажигалка, отправляются в ближайший цветочный горшок, и к домику для духов Мью подступает с одним лишь заполненным почти до краёв стаканом.

— Прошу.

Мью улыбается, ставя чай напротив входа в маленький, имитирующий небольшой светлый храм домик, прямо за окружающий его заборчик, рядом с воткнутой в песок, истлевшей почти до основания палочкой благовоний.

— Надеюсь, я не напортачил. Давно уже не делал.

Он привычно складывает руки в вае[4] и убирает, когда отец прикасается к стакану. Однако ответа дождаться так и не успевает, как и увидеть попробовал ли отец чай вообще. Всё внимание на себя перетягивает звук приближающегося мотоцикла.

[4] Вай — тайский жест приветствия. Используется, впрочем, и как выражение благодарности и как оказание почтения.

Мью прислушивается, ожидая, что тот проскочит мимо. Однако звук меняется, только когда мотоцикл оказывается у ворот: превращаясь из звериного ворчания в урчание котёнка.

«Мама взяла мототакси?..»

То, что он ошибся, Мью понимает, сделав всего несколько шагов к воротам.

У этого мотоцикла лишь один ездок, а добротная кожаная куртка ничуть не похожа на оранжевый жилет таксистов.

Мью замирает у ворот, наблюдая за тем, как гость глушит двигатель, а потом, поставив мотоцикл на подножку, слезает.

Следом идёт шлем. Затянутые в перчатки руки снимают его, позволяя налетевшему ветерку коснуться влажных каштановых прядей.

«Симпатичный, — отмечает Мью, пробегая взглядом по чужому лицу. — Не так чтобы красив, но имеет определённый шарм. В Бангкоке агенты его бы непременно заметили...»

Однако они не в Бангкоке.

А он не агент. И даже его собственный договор с агентством закончился год назад.

— Чем могу помочь? — уточняет Мью, когда гость его всё-таки замечает, и запоздало вспоминает, что на футболке, хоть и тёмной, расползлось небольшое пятно от чая, а на виске красуется ссадина.

«Красавчик, ничего не скажешь».

Он едва не морщится от досады. Останавливает лишь пристальный, изучающий и какой-то напряжённо-задумчивый взгляд гостя, будто он там у себя в голове что-то решает.

— Здравствуйте, — гость складывает руки в вае, приветствуя. — Кхун Вади дома?

— А вы?

Сделав ответный вай, Мью мягко подбирается ближе к воротам, оставляя между собой и гостем лишь металлическую решётку да пару шагов.

— Я её бывший ученик.

Мью выгибает бровь, побуждая гостя продолжить, а сам оглядывается, вслушиваясь в ровный, мягкий тембр голоса.

— Действительно бывший ученик. Мой младший брат тоже...

Что именно «тоже», Мью уже не слышит. Он замирает, чувствуя, как отходят на второй план любые звуки, когда взгляд ловит полупрозрачную фигуру. Та почти сливается с тенями на противоположной стороне узкой дороги: такая же тёмная и чуть рваная по краям. Невозможно даже определить, мужчина это или женщина. Однако он и не собирается этого узнавать. Мью хватает и тяжёлого, наполненного какой-то затаённой злобой взгляда, что призрак бросает в его сторону.

Отцу, видимо, тоже хватает. Потому что, стоит только Мью протянуть руку к воротам, как замок щёлкает, открываясь.

— Проходите. Я думаю, лучше будет разговаривать в доме.

Парень мешкает, неуверенно переступая с ноги на ногу, но недолго. Оглянувшись, будто тоже может видеть стоящего неподалёку призрака, и, передёрнув плечами, он всё-таки решается.

— Так как, говорите, вас зовут, Кхун?

— Атхит. А вы сын Кхун Вади? Кхун Мью?

— Угадали, — Мью улыбается, закрывая, наконец, ворота, пока Атхит ставит мотоцикл на подножку чуть в стороне. — Проходите в дом.

Есть несколько видов вая, в зависимости от того, кто перед тобой. В обыденности это сложенные на уровне груди ладони, пальцы направлены вверх, параллельно телу, большие пальцы касаются груди, голова наклоняется так, чтобы кончиком носа коснуться средних пальцев сложенных вместе ладоней.

Мью последний раз бросает взгляд на кажущуюся пустой улицу за воротами и отворачивается. Взгляд призрака он чувствует до тех пор, пока не заходит в дом, будто тот подобрался ближе. Однако проверять это подозрение и оглядываться Мью так и не решается.

Глава 2.

— Итак, — Мью ставит стакан с водой на стеклянный столик в гостиной, прямо перед сидящим на диване Атхитом. — Вы сказали, что учились у моей матери, а ваш брат до сих пор учится...

Без куртки, что нашла своё место на подлокотнике, в тёмной свободной футболке с длинным рукавом, Атхит выглядит субтильней и... моложе.

— Выпускник, — поправляет Атхит и Мью кивает, садясь на другой конец дивана. — У моего брата выпускной класс в этом году. Собственно поэтому...

Атхит замолкает и, будто почувствовав что-то, оборачивается.

Мью требуется всего секунда, чтобы понять, что именно служит тому причиной. Секунда и один взгляд, брошенный в сторону ведущей на улицу двери. Туда, где всё это время стоял и будто бы прислушивался отец.

— Простите, — мотнув головой, Атхит отворачивается со смущённой улыбкой. — Мне что-то показалось... Иногда бывает.

«Ты их чувствуешь, да? Не видишь, но чувствуешь?»

Внутри Мью разгорается интерес и на массирующего висок Атхита он смотрит уже с затеплившейся внутри надеждой. В жизни Мью ещё не было человека, кроме деда, который мог бы разделить с ним знание о призраках, но теперь...

— Ещё раз прошу прощения.

В последний раз глянув за спину, Атхит окончательно отворачиваются. Мью только и остаётся улыбнуться в ответ, чуточку понимающе и вместе с тем грустно. Поднимать тему призраков он не будет. Не сейчас так точно.

«Он не видит, только чувствует их. Успокойся Мью, он не такой же».

— Кхун Вади не предупреждала обо мне? Я обещал ей, что заеду, как только станут известны результаты экзаменов. Она помогала с поступлением...

— Мама любит помогать, — Мью улыбается чуточку криво. — Прошу прощения, что не сказал сразу, но она уехала. Вернётся не раньше, чем через неделю. Видимо, случилось что-то срочное, раз она даже меня не дождалась.

Мью разводит руками и улыбается, на этот раз немного насмешливо.

— Могу угостить вас ужином, чтобы как-то компенсировать забывчивость моей матери? Она уехала, никого не предупредив, а вы проделали весь этот путь напрасно. Не сказал бы, что я отличный повар, но на что-то простое меня должно хватить.

— Мой брат, — начинает Атхит, однако договорить не успевает. Громкое голодное урчание заставляет его замолчать и о чём-то задуматься.

— Я могу сделать что-нибудь быстрое, чтобы вам не пришлось ехать на голодный желудок. Как вы на это смотрите?

— Можете не торопиться. Мой брат всё равно отмечает поступление с друзьями. Не думаю, что он сегодня вернётся.

— О, так значит, ваш брат поступил? Так это меняет дело. Мы можем даже что-нибудь заказать...

— Не стоит...

— Тогда положимся на мои скромные кулинарные способности. Как вы смотрите насчёт зелёного карри?

* * *

— Прошу.

С тихим стуком Мью ставил перед Атхитом тарелку на стол и сам занимает место напротив.

Аппетитный аромат дразнит пробудившийся внутри голод, но Мью не спешит попробовать приготовленное. Не то чтобы он себе не доверяет... Просто реакция гостя гораздо интересней утоления собственного голода.

— И я хотел бы попросить снизить градус официальности. Не думаю, что у нас такая уж большая разница в возрасте или статусе. Плюс мы оба близки моей матери.

«Будь иначе, и мама бы просто не впустила его в дом» — добавляет Мью, но уже мысленно. Говорить об этом вслух он не собирается.

— Итак?

— Хорошо. Кхун Вади упоминала, что вы в прошлом году закончили университет, значит...

— Мне двадцать три, — приходит на помощь Мью с лёгкой улыбкой. — Бакалавриат, не магистратура. И если вам меньше, то...

— Могу звать вас «Пи», — заканчивает Атхит. — Мне двадцать один.

— И ты?.. — Мью подбадривает, предлагая продолжить, однако Атхит лишь качает головой и принимается есть. Отзывается он уже позже, когда на тарелке остаётся едва ли половина:

— Вкусно. Колледж. Сейчас работаю. Ничего особенного...

Мью вспоминает случившийся за столом разговор, глядя вслед уезжающему Атхиту. В сгустившейся темноте видны лишь задние огни, да и они быстро исчезают, стоит только мотоциклу свернуть за угол.

— И часто мама занималась с его младшим братом? — тихо, так чтобы никто не услышал, интересуется Мью, когда носа касается уже знакомый запах чая, кокоса и чернил — знак того, что отец где-то поблизости, и запирает ворота.

— Пару раз в неделю, иногда на выходных. Пхат хороший мальчик и гораздо более открытый, чем его брат. Хотя в серьёзности и разумности им обоим не откажешь.

— Хм... — задумчиво тянет Мью, сам не понимая, что даёт ему полученное знание, и меняет тему, бросая быстрый взгляд на другую сторону дороги. — Ты из-за этого духа так не хочешь, чтобы я выходил за ворота?

В неверном уличном свете тёмный призрак едва различим, но всё равно угадывается. И стоит он гораздо ближе к воротам, чем в прошлый раз.

— Я не...

— Пап, — Мью вздыхает и, наконец, отворачивается от дороги, оставляя призрака позади. — Не надо врать, я не глупый. Ты даже курьера предложил вызвать, когда я только заикнулся, чтобы съездить в магазин. На машине, позволь заметить, а не пешком.

— Не хочу рисковать,— как-то нехотя признаётся отец. — *Просто... Идём в дом. Хорошо?*

— Я не призрак, чтобы обо мне беспокоиться, пап. Я живой человек. А этот дух не похож на того, кто может сильно навредить людям.

— Прости старика. Идём в дом? Я видел, у тебя осталось немного карри.

* * *

Мью не помнит, как оказался здесь, перед решётчатыми воротами. Помнит лишь, как собирался ложиться спать, как сумрак съел все чёткие линии, стоило только выключить свет, и больше ничего. Будто тьма поглотила не только очертания предметов, но и кусок его жизни.

Сейчас же она смотрит на него через глаза призрака. Того самого, которого Мью видел на дороге ещё вечером и который сейчас стоит совсем близко. Только руку протяни и коснёшься...

Мью отступает, пряча руки в карманы.

Сейчас, благодаря свету лампочек и уменьшившемуся расстоянию, что разделяет их, призрака можно рассмотреть отчётливо и внятно.

Девушка. Совсем юная.

Светлая блузка и вишнёвый саронг[5]перепачканы в земле, толстая косица растрепалась и едва удерживается ленточкой...

Тонкие пальцы сжимаются на прутьях решётки так внезапно, что та бряцает, разбивая охватившее Мью оцепенение и заставляя сделать ещё один шаг назад. Будто в противовес тому шагу, что сделала и призрачная девушка, вплотную подобравшись к решётке ворот.

— Что тебе нужно?

За все эти годы Мью так привык игнорировать призраков, что сейчас абсолютно теряется.

— Это... всё... твоя... вина...

Слова даются призрачной девушке с трудом. Она хмурится, делая паузы после каждого, и проговаривает медленно, хрипло, будто вспоминает, как они звучат.

— О чём ты?

— Ты... виноват...

Только сейчас, присмотревшись, Мью понимают, что губы её разбиты, а в уголках притаилась грязь, как и на самом лице. Оно не тёмное, оно грязное от пыли и земли, чистыми остаются лишь тонкие дорожки, сбегающие от глаз по щекам вниз, будто то были ручейки слёз, что девушка пролила перед смертью.

— Я не понимаю, я тебя даже не...

Рука, подобно кобре, действует молниеносно.

Если бы Мью стоят чуть ближе, то не успел бы отшатнуться, а так тонкие пальцы с обломанными, грязными ногтями хватают лишь воздух. Ворота дребезжат, будто в них влетело что-то весомое. Гораздо больше маленькой хрупкой призрачной девушки...

— Ты... на...

Договорить она не успевает. Захлёбывается последним словом, когда появляется отец Мью. Короткий хлёсткий удар прилетает прямо по вытянутой тонкой руке, что до сих пор сжата в кулак.

— Прочь!

Девушка отшатывается, прижимая к худощавой груди пострадавшую руку, и шипит подобно дикой кошке, а не человеку.

— Это не твоя территория и у тебя нет тут власти. Уходи. Уходи, пока я согласен тебя отпустить.

Свет и тьма.

Именно так это выглядит со стороны. Именно так это выглядит для самого Мью, потому как от его отца сейчас исходит лёгкое, но всё же сияние, будто сам он стал одной из тех лампочек, что висят во дворе. Тьма же девушки стала ощутимой, почти осязаемой, будто фигурка её чадит, как брошенное в костёр мокрое дерево.

— Он на...

— Прочь!

Мью зажмуривается от яркой вспышки. Прикрывается рукой, чувствуя, странную пульсацию где-то внутри, что будто отзывается на этот свет и тянет, вызывая лёгкую боль. Под ложечкой сосёт и Мью отступает на шаг назад, а когда открывает глаза, всё вокруг уже становится прежним.

Всё так же ярко сияют лампочки во дворе, так же тускло подсвечена дорога по ту сторону ворот и отец точно так же как и «до» стоит впереди. Только он больше не сияет, а тёмной призрачной девушки нет.

---

[5] Саронг — часть традиционной мужской и женской одежды народов Юго-Восточной Азии и Океании. Длинная цветная «юбка» представляющая собой широкую полосу хлопчатобумажной ткани, которую обёртывают вокруг пояса.

— *Идём в дом, Мью,*— устало и чуть напряжённо просит отец. — *И пожалуйста, не подходи слишком близко к воротам. Я могу не успеть.*

* * *

— Что происходит, отец? — вопрос срывается с губ Мью, едва он переступает порог дома. — Ты мне...

Договорить Мью не успевает. Отец просто растворяется в воздухе, будто и не было.

Вот он стоит впереди, всего в нескольких шагах, а вот его уже нет, и начатый вопрос так и остаётся не законченным.

«Ты мне объяснишь?»

Не объяснит. Не желает или не может.

Поджав губы, Мью оглядывается в надежде вновь увидеть отца, но вокруг пусто.

— Пап?

Тишина в ответ.

— Ты мне так и не ответишь, да?

Обида и непонимание, что звучат сейчас в голосе Мью, отправляют его на мгновение в прошлое, в те времена, когда родители отказывались что-то объяснять или говорить лишь потому, что, по их мнению, он был маленьким, а значит глупым.

— Хорошо, ладно. Не хочешь разговаривать? Не надо. Сам разберусь. Я и забыл, что ты всегда был таким.

«Разберусь... Легко сказать. С чего вообще начать?»

Со сна? Так спать Мью не хочется. Внутри него даже намёка на усталость нет, будто и не он всю прошлую ночь провёл в дороге и лёг только под утро, чтобы подскочить всего через пару часов. Будто и не он не прикрыл глаза ни на минуту за весь день.

«Девушка! — мысль приходит внезапно, вселяя в Мью надежду и заставляя двигаться. — Интересно мама забрала с собой ноутбук?»

По лестнице Мью почти взлетает, ведомый пришедшей в голову идеей.

«Если есть призрак, значит, был и человек. Если она винит меня... Значит, мы с ней как минимум пересекались и не так давно. Иначе бы она появилась раньше».

На мгновение замерев на пороге комнаты матери в нерешительности, Мью всё-таки переступает порог.

«Прости за вторжение, ма» — мысленно просит он, оглядываясь, и хмурится.

Утром он заглядывал сюда, но лишь мелком и помнит только непривычно небрежно оставленную на постели одежду и распахнутые занавески. Однако сейчас взгляд подмечает кривовато стоящую на столе стопку бумаг, упавшую на пол ручку, отъехавший в сторону стул...

Насколько Мью помнит, мать никогда раньше не позволяла себе такой небрежности, а окно всегда плотно закрывала, когда уезжала куда-то, будь то по делам или для отдыха. И его приучала, что если уезжать, то непременно занавешивать окно, а тут...

Под стопкой бумаг тихо покоится ноутбук. Мью обнаруживает его, лишь подойдя ближе к столу и подняв ручку.

— Я воспользуюсь твоим ноутбуком, ма.

Он прекрасно понимает, что никто кроме отца в этом доме его услышать не может, но всё равно говорит. Просто чтобы разбавить своим голосом сгустившуюся тишину.

— Бангкок или Чиангмай? Откуда призрак за мной следует?

Освобождённый от гнёта распечаток, ноутбук медленно загружается, а потом так же медленно выдаёт информацию, будто раздумывает, а стоит ли вообще это делать.

«Нужно купить маме новый... Этот уже никуда не годится...» — отстранённо решает Мью, просматривая список пропавших в Бангкоке.

С фотографий на него смотрят сплошь незнакомцы. Ни одно лицо даже близко не похоже на лицо призрака.

Мью меняет запрос, но в Чиангмае дела обстоят точно так же.

— Да кто же ты такая?..

Растерянно запустив пальцы в волосы, Мью хмурится, кусая губу.

«Где мы с тобой пересеклись?»

Мью заставляет себя вспомнить недавнюю встречу. Воскрешает перед внутренним взором образ девушки. Саронг, простая блузка, толстая чёрная коса...

«Саронг...»

Мью цепляется за эту мысль, копаясь в памяти в поисках больших деталей.

«Саронг не выглядел покупным, скорее работа местных мастеров... Может она жила в одной из деревень?»

В прошлый приезд Мью заезжал в несколько в поисках информации и вдохновения.

«По времени сходится. И месяца не прошло...»

Мью хмурится, пытаясь вспомнить её лицо среди деревенских, которых он тогда встречал, однако вместо воспоминаний приходит головная боль. Она давит на глаза и отчётливо отдаёт ломотой в левый висок. Будто усталость наконец-то догнала его, напомнив о необходимости отдыха. И чем больше Мью пытается не обращать внимания на боль, тем она становится сильнее. В какой-то момент перед глазами даже темнеет и это становится последней каплей. Мью сдаётся, выключая ноутбук и захлопывая крышку.

Ему нужно отдохнуть. Хоть немного.

* * *

Темнота обволакивает со всех сторон, заползает тишиной в уши, заливается в глаза и, кажется, даже попадает в лёгкие. Иначе как объяснить, что Мью не может нормально дышать и воздух не проходит через удушающий ком в горле...

Руки неприятно сведены за спиной. Что-то тонкое впивается в кожу запястий, причиняя лёгкую саднящую боль, и чем больше Мью дёргается, тем сильнее эта боль становится.

«Есть тут кто? — ему хочется закричать, однако с губ не срывается ни звука. — Пожалуйста, кто-нибудь!»

Все слова застревают в горле, когда вместо тьмы приходит свет. Он бьёт по глазам, вышибая слёзы и заставляя зажмуриться.

Вслед за светом приходит голос.

— Откройте глаза, Ккун. Посмотрите на меня.

Перед Мью стоит невысокая худенькая девушка. Светлая блузка, вишнёвый с белым саронг, аккуратно собранные за спиной чёрные волосы. Она стоит босиком на каменном полу и, похоже, совсем не чувствует холода.

Миловидное личико кажется Мью знакомым, но вспомнить, где он видел эту девушку так и не удаётся. Зато она, судя по всему, его знает.

— Вам страшно, Ккун?

Девушка подаётся вперёд, с интересом вглядываясь в его лицо и позволяя рассмотреть своё. Только вот, как бы Мью не всматривался, вспомнить её у него так и не получается.

— Мне тоже было страшно. Знаете? Жутко страшно. Но я так надеялась... А вы надеетесь? Что вас спасут, помогут, да?

Девушка наклоняет голову чуть вбок, и от её пристального немигающего взгляда Мью действительно становится жутко.

— Я не...

— Только никто не придёт, — доверительно продолжает девушка. — Никто не поможет, и вы испытаете то же, что и я испытала по вашей милости. Вам будет очень, очень больно...

Навалившаяся со всех сторон темнота ослепляет, а следом приходит и боль, впиваясь своей когтистой лапой в висок, будто его бьют наотмашь...

Открыв глаза, Мью обнаруживает себя сидящим на полу рядом с кроватью. Над бровью неприятно саднит, во рту ощущается слабый металлический привкус, будто его действительно ударили, хотя всё было лишь сном.

Осторожно коснувшись лица, Мью морщится и тут же отдёргивает руку.

— Ударился, когда падал с кровати. Нужно будет обработать... Потом.

Отмахнувшись от этой мелочи, Мью наконец-то оглядывается, отмечая, что за окном давно уже рассвело, а на прикроватной тумбочке горит позабытый ночью светильник. Его свет смешивается с тем, что просачивается в комнату сквозь тонкие занавески и почти растворяется в нём. Как растворяется и сон, грозясь превратиться лишь в тень себя. Только образ девушки остаётся всё таким же чётким, будто отпечатался в голове. Внутри уже зудит знакомое чувство, толкая и зовя действовать. Записать мысль, пока она не ускользнула, истаяв вместе с большей частью увиденного во сне.

— Тетрадь...

Мью подскакивает с пола, забывая и о ноющей скуле и о лёгкой дезориентации. Как и о том, что можно просто обойти кровать, а не переползать её.

— Здесь должна быть тетрадь...

Старая тетрадка действительно находится в верхнем ящике тумбочки, будто всё это время ждала его. Обложка поистрепалась, уголок замялся, а прицепленная к листам ручка оставила на них характерную вмятину.

Мью едва ли это замечает, быстро пролистывая исписанные когда-то листы и находя чистую страницу.

«Темнота поглотила его и выплюнула. Оставила сидеть привязанным к стулу в каменном мешке без окон и дверей. Оставила наедине с призраком девочки, что стоял сейчас перед ним и смотрел.

По губам призрака змеилась тонкая улыбка, будто мёртвая девчонка находила всё происходящее здесь забавным. Он дёрнулся, но верёвки держали крепко и лишь сильнее впились в запястья.

— Тебе страшно, Пи? — спросила девочка тихо и снова улыбнулась. — Страшно, как было мне, когда я умирала? Ведь ты тоже...»

Мью не дописывает, останавливаясь на полуфразе. Неуверенно замирает, удерживая ручку на весу и не решаясь закончить, а потом просто захлопывает тетрадь и отодвигается.

Мурашки ползут по спине, и Мью ёжится, садясь на постели.

— Нет...

Бездумно провернув несколько раз ручку между пальцев, Мью отбрасывает её и зажмуривается.

На лицо из сна накладывается другое. Оно более тёмное от грязи, с чистыми тонкими дорожками от слезы на щеках, а глаза подёрнуты пеленой смерти.

Два образа – один человек.

«Призрак» — поправляет себя Мью, задумчиво глядя на закрытую старую тетрадь, которую он ещё со времён школы использовал для записи приходящих в голову идей. Одна из тетрадей на самом деле. Последняя.

«Ведь ты тоже...» — звучит в голове так и не законченная фраза призрака из сна и Мью решительно поднимается.

«Он на...» — звучит следом оборванная отцом фраза призрака из жизни и Мью догадывается, что та хотела сказать.

«Он наш».

— Ну, нет, — тихо ворчит он, отправляя тетрадку с ручкой обратно в ящик и закрывая его, пожалуй, уж слишком резко. — Я умирать не собираюсь. Уж прости, не доставлю тебе такого удовольствия, как бы ты этого не хотела.

Глава 3.

Машина матери преспокойно стоит под навесом у дома, только вот ключей найти так и не удаётся. Мью облазил весь дом в их поисках, проверил все места, где они могли быть, но тех будто и след простыл.

Как и отца, который с прошлого вечера так и не появлялся, будто боится, что ему снова начнут задавать неудобные вопросы.

— Пап? — зовёт Мью, спускаясь на первый этаж. — Пап, ты знаешь, где ключи?

Тишина служит ответом. Тишина и пустота. Даже запаха, что свидетельствовал бы о присутствии отца рядом, не появляется.

Солнце стоит уже высоко, хоть ещё и не достигло зенита. Мью представляет, какая на улице должно быть жара, но всё равно выходит, плотно прикрывая за собой дверь, чтобы жар не пробрался внутрь.

— Ты ведь понимаешь, что их отсутствие не помешает мне уйти, да?

Мью понятия не имеет, виновен ли отец в исчезновении ключей. Спрятал ли он их или те просто куда-то завалились и преспокойно лежат в каком-нибудь пыльном углу. А может ключи и вовсе у матери, которая случайно прихватила их с собой. Однако съёмки во время учёбы в университете не прошли даром и врать так, чтобы тебе верили, Мью научился. Тем более что сейчас он и не врёт.

— Я спокойно могу добраться на сонгтео и пешком, пап, — тихо продолжает Мью, подходя к залитому солнцем домику для духов. — Дорогу знаю.

— Не знаешь.

Голос за спиной раздаётся так внезапно, что Мью вздрагивает и, резко обернувшись, едва не налетает на домик для духов.

«Хватит пугать!» — возмущённый окрик так и не срывается с поджатых в недовольстве губ.

— Не знаешь,— повторяет отец, заложив руки за спину. — *Ты знаешь, где жил твой дед, но он умер.*

Мью едва заметно ёжится и ничего не говорит. Отец прав. Мью знает, что в городе есть шаман, но не знает, где тот живёт.

— На машине, пешком или на сонгтео, не важно,— продолжает между тем отец. — *Если не знаешь, куда двигаться, то не приблизишься к цели.*

— Но дорогу всегда можно спросить, — парирует Мью. — Думаю, многие знают, где найти шамана. Вероятно, даже ты это знаешь, ведь и раньше были шаманы помимо дедушки.

Отец поджимает губы, так что они превращаются в тонкую ниточку, но сказать ничего не успевает, даже если и собирался. Его прерывает звук приближающегося мотоцикла.

Мью отвлекается всего на секунду, а когда вновь смотрит, отца уже и след простыл. Будто и не стоял он только что в какой-то паре шагов.

Урчание мотора приближается и затихает совсем рядом.

Уже знакомый мотоцикл стоит напротив ворот, а седок уверенно снимает шлем, позволяя лёгкому ветерку растрепать чуть влажные пряди.

— Привет, Пи, — Атхит улыбается тепло и солнечно, под стать своему имени. — Я подумал, что стоит тебя отблагодарить за вчерашний ужин и... вот.

В приподнятой руке Атхита чуть покачивается заполненный пластиковый пакет.

— А если бы я ещё спал?

Делая шаг в сторону ворот, Мью внутренне улыбается, уже прикидывая, как уговорить Атхита на поездку. Он местный, а значит, должен знать, где найти шамана. Да и проблема с транспортом решится.

«Осталось только его уговорить».

— Значит, мне бы пришлось есть всё это самому. Но я рад, что удалось избежать этой участи. Ты ведь разделишь со мной завтрак? Я купил джок[6]и бабл ти.

— Проходи, — Мью наконец-то открывает ворота, пропуская Атхита с мотоциклом внутрь. — Ты как раз вовремя, я ещё не завтракал.

Мью оглядывается, прежде чем закрыть ворота, но залитая рассеянным солнечным светом улица пуста. Призрака девушки нигде нет.

* * *

— Как твой младший брат? — спрашивает Мью больше для того, чтобы заполнить тишину, чем действительно интересуясь. — Хорошо вчера отметил поступление?

Джок с яйцом в глубокой тарелке выглядит аппетитно, однако отчего-то не вызывает у Мью желания есть. Будто он уже завтракал и теперь сыт. А вот Атхит уплетает кашу явным удовольствием и отвлекается только на то, чтобы ответить:

— Думаю да. Они с друзьями уехали с палатками в горы и ещё не вернулись. Пхат говорил, что будет дома ближе к вечеру. Жаль, что именно сегодня у меня выходной. Придётся ждать следующего, чтобы отметить вместе.

Мью кивает, принимая к сведению и прикидывая, сколько может потребоваться времени на поездку к шаману. Успеют ли они до приезда младшего брата Атхита или можно вернуться чуть позже? Согласится ли вообще Атхит его везти?

Зачерпнув ложкой яйцо, Мью перекладывает его в полупустую тарелку Атхита, отчего тот удивлённо вскидывает голову.

— Я не особо голоден, в отличие от тебя. Так что ешь. Кстати, ты так и не сказал кем работаешь.

— Механик. У отца с дядей Туном мастерская. В руководстве я ничего не понимаю, — Атхит криво усмехается, деля отданное яйцо ребром ложки на части. — Не думал, что придётся заниматься подобным так рано, а вот с ремонтом легче. Ребята в мастерской поднатаскали, когда ещё отец был... В общем, вариантов даже не было, куда идти, когда понадобилась работа.

— А что случилось с родителями?

Мью не уверен, что стоит спрашивать, но всё же делает это и замечает, как на лицо Атхита будто наползает тень.

— Мама умерла, когда мы с Пхатом были ещё маленькими. А отец... — он запинается, рассеянно покачивая ложкой в воздухе, но всё-таки продолжает: — Пропал. Я не знаю, на самом деле. Мы тогда в аварию попали... Я помню только столкновение с выскочившей откуда-то сбоку машиной, а потом как очнулся в больнице. Мне сказали, что, когда меня нашли, в машине больше никого не было... С тех пор отца нет.

— Сочу...

— Порядок.

Едва заметно поморщившись, Атхит трёт висок, будто у него разболелась голова, и Мью только сейчас замечает небольшой шрам на брови.

— А ты... — Атхит переключается и снова возвращается к завтраку. — Оказывается знаменитость. Я поискал вчера о тебе в сети.

— Только вчера? Действительно? — Мью насмешливо щурится, изгибая уголки губ в намёке на улыбку.

— Раньше не было необходимости. Кхун Вади говорила, что у неё есть сын, но в подробности не вдавалась, а я не спрашивал. Но вчера... Твоё лицо показалось мне знакомым, но я был уверен, что не встречал тебя раньше.

---

[6] Джок — тайская рисовая каша на бульоне с добавлением мяса, рыбы или яйца и приправ.

— Поэтому решил пробить меня в интернете, — губы Мью всё-таки разъезжаются в ехидной улыбке, хотя внутри и колет едва ощутимо от понимания того, что мать им не хвасталась.

«А что ты от неё ждал? Она сама говорила, что не любит «излишнее внимание», а твоя работа одно сплошное внимание» — парирует Мью, зачерпывая ложкой кашу, но, так и не донося до рта.

— Писатель и актёр. Очень... Впечатляюще, если честно.

— Бывший актёр, — Мью усмехается чуть кривовато. — Я снимался, пока учился в университете. Деньги неплохие, возможность была. Почему бы и нет. Сейчас... Работа актёра отнимает много времени и сил на самом деле. Предпочту быть по другую сторону. Пусть лучше по моим новеллам снимают лакорны[7]и другие актёры работают над продвижением шип пар, чем я. Так интересней, как мне кажется. Впрочем, скоро проверю и узнаю точно.

— Значит, совсем не скучаешь по съёмкам?

— Не то чтобы... Если будет проект, который мне понравится... Думаю, я просто схожу на кастинг.

— У Кхун Вади очень интересный сын и очень щедрый. Спасибо.

Атхит приподнимает ложку с яйцом, давая понять, за что именно благодарит, прежде чем отправить её в рот. И чуть не давится, когда Мью спрашивает напрямую:

— Ты знаешь, где живёт шаман?

* * *

— Зачем тебе?

Атхит отодвигает тарелку, будто бы наевшись, хотя там ещё пара ложек осталась, и обнимает ладонями бока стаканчика с бабл ти.

— Хочу зайти поздороваться, амулет «на удачу» попросить, — Мью беззаботно и широко улыбается, как привык делать, когда говорит глупости. Хотя, будь шаманом его дедушка, Мью действительно мог бы просто зайти поздороваться. Однако сейчас... Ему, конечно, интересно, какой он, этот шаман, но ехать ради подобного? Не так сильно это любопытство.

— Амулет «на удачу» и монах может сделать, Пи Мью, — отзывается Атхит. И он, в отличие от Мью, хмурится. — Зачем тебе на самом деле нужен шаман?

— Ты не поверишь, — улыбка Мью превращается в усмешку и Атхит внезапно копирует её, парируя:

— А ты проверь, Пи. Скажи, и мы посмотрим, поверю ли я твоим словам или нет.

— Меня преследует призрак.

Коротко и просто.

Мью ожидает смеха и слов, что он был прав, Атхит не верит. Или страха, с каким мать, бывало, оглядывалась, когда Мью в детстве упоминал призраков. Однако Атхит не делает ни того, ни другого. Вместо этого он внезапно снова становится серьёзным. Даже оглядываясь, будто в поисках того самого призрака, о котором сказал Мью, Атхит остаётся предельно собранным.

— Здесь её нет, — успокаивающе замечает Мью, видя, как сжимаются пальцы Атхита на пластиковых боках стаканчика с бабл ти. — Она не может войти в дом, домашний дух её не пустит, да и... Ещё рано. Обычно она появляется, когда темнеет.

— Она? Ты видишь призраков?

Вот оно.

Сглотнув, Мью сцепляет пальцы в замок. Он может изобразить всё что угодно. Что-то получается лучше, что-то хуже, однако может. Несколько лет на съёмочных площадках сыграли свою роль в его становлении. Но сейчас... Под пристальным взглядом светло-карих глаз врать

[7] Лакорн — тайский сериал/дорама.

Мью не может, хоть и знает, чем обычно кончается его признание. Но может... Может, в этот раз будет по-другому?

— Вижу. Всегда видел. Не всегда чётко, порой лишь тень, но... Дед говорил, это потому что я внук шамана.

Атхит хмурится, но не обвиняет во лжи и не крутит пальцем у виска. Как и не оглядывается больше, будто приняв на веру слова Мью.

— Твой дед...

— Его звали Сомбун. В детстве я часто проводил у него время, потом уехал учиться... Неважно. Так ты знаешь, где найти шамана?

— Сомбун... — медленно повторяет Атхит и взгляд его становится задумчивым.

— Нонг Атхит? Так ты знаешь?

Мью в нетерпении подаётся вперёд и даже чуть приподнимается со стула, на который потом резко возвращается, получив ответ на который втайне надеялся:

— Я тебя отвезу. Пешком туда не добраться.

* * *

Сюда действительно не добраться на сонгтео. Да и такси не каждое поедет, несмотря на близость дороги. Дом деда был гораздо дальше от городских улиц и ближе к деревням. А тут...

Укатанная дорожка выводит на небольшую поляну, где Атхит и останавливается, глуша мотоцикл у самой кромки деревьев.

— Приехали, — сняв шлем, сообщает он, да Мью и сам уже видит.

Пропустить ничем не скрытый дом в самом центре поляны попросту невозможно.

Спустившись с мотоцикла, Мью снимает шлем, позволяя лёгкому прохладному ветерку трепать волосы, и зажмуривается.

На мгновение он ощущает себя почти как в детстве, когда приезжал с отцом к деду, чтобы остаться на несколько дней. Кажется, что вот ещё немного и знакомый голос окликнет по имени...

— Мью, — тихо зовёт Атхит совсем рядом и Мью, внутренне вздрогнув, наконец-то открывает глаза.

Дом впереди совсем другой. Незнакомый.

Он выполнен в традиционном тайском стиле, только вот сваи гораздо выше поднимают его над землёй, а внизу, вместо свободного пространства, будто бы ещё один этаж: застеклённый и нисколько не скрывающий того, что находится внутри.

Невольно Мью сравнивает два дома и тот, что принадлежал когда-то деду, с его деревянными стенами, крутой крышей и короткой, ведущей на неширокую террасу лестницей, нравится ему больше, чем тот, что стоит впереди.

— Идём, — снова зовёт Атхит и Мью, наконец, отмирает, только сейчас понимая, что их, кажется, ждут.

На пороге дома стоит немолодой мужчина в простых тёмных брюках и бежевой рубашке. Чёрные, не тронутые сединой волосы собраны в невысокий хвост.

Их действительно ждут. Будто шамана кто предупредил. Хотя почему будто? Приглядевшись, Мью различает за спиной шамана полупрозрачный силуэт.

Призрак.

* * *

— Здравствуйте, — Атхит делает вай, едва оказавшись рядом с шаманом, и Мью следует его примеру. А вот сам шаман лишь кивает, принимая приветствие и не давая его в ответ. Вместо этого он смотрит: пристально, внимательно, так, будто пытается что-то найти на лице Мью. Только вот обращается шаман, несмотря на этот взгляд, к Атхиту.

— Ты пришёл за помощью в каком-то деле?

— Мой друг...

— Будет лучше, если мы поговорим в доме. Проходи.

Мью делает шаг вслед за Атхитом, но ему преграждает дорогу тот самый призрак. И пройти сквозь него, как бывало с другими призраками, у Мью не получается. Будто этот вполне материален. Да и обойти... Стоит Мью сделать шаг в сторону, как призрак повторяет его движение, а чуть ниже солнечного сплетения едва ощутимо начинает неприятно тянуть.

— Прости, но не мог бы ты пропустить меня?

Мью говорит тихо, надеясь, что ни шаман, ни Атхит не услышат, и смотрит теперь прямо на призрака. Лицо мальчишки-подростка в традиционном одеянии выглядит смутно знакомым. Будто они уже встречались раньше. Только вот вспомнить где, когда и при каких обстоятельствах у Мью не получается.

— Я не собираюсь делать твоему хозяину ничего плохого.

— Хм...

Мью вскидывает взгляд на застывшего у стеклянных дверей шамана и понимает, что говорил недостаточно тихо. Его услышали.

— Простите, я...

Мью собирается соврать, как делал это уже множество раз раньше в подобных ситуациях, но его перебивают коротким:

— Понг, пропусти.

Призрак исчезает почти мгновенно, словно растворяется в воздухе. А вслед за ним уходит и запах и Мью внезапно понимает, что он принадлежал именно призраку, а не месту. Молоко, металл и дым.

— И ты проходи в дом. Расскажете, зачем приехали.

* * *

Немолодой седеющий мужчина в простых тёмных брюках и светло-коричневой рубашке, скрестив ноги, садится на возвышение, укрытое маленьким ковриком.

— Иди сюда, Супавут, — зовёт он, похлопав ладонью рядом с собой.

Едва достигший десятилетнего возраста мальчишка послушно поднимается, чтобы занять предложенное место, и садится в точно такую же позу, как и его дед.

— Ты, конечно, вряд ли пойдёшь по моим стопам. Не думаю, что твои родители одобрят это. Но... Если тебе интересно...

Теперь место Мью на полу, как и у любого другого просителя, а на возвышении перед ним сидит незнакомый шаман.

— С какими просьбами и проблемами вы пожаловали?

— Проблемы не у меня, Мастер Арм, — отзывается Атхит, пока Мью собирается с мыслями. — Моего друга преследует призрак.

Бровь шамана удивлённо ползут вверх, будто преследование призрака — это что-то удивительное и невероятное. Будто у него самого в подчинении не ходит призрак.

— Всё так, как и сказал мой друг, Мастер, — соглашается Мью, наконец-то беря себя в руки. — Призрак незнакомой девушки появился на пороге дома на следующий день после моего приезда в город. Я не знаю, зачем она пришла и что ей нужно...

— Значит, ты видишь призраков? — нахмурившись, шаман окидывает Мью задумчивым взглядом. Точно с таким же выражением он смотрит и на Атхита, так что становится непонятно, к кому именно шаман обращается.

— Вижу, — всё-таки решается на ответ Мью. — Всегда видел.

— И ты говоришь, что это девушка? Та, что ходит за тобой?

— Я не уверен, что именно ходит, — поправляет Мью. — Я видел её только рядом с домом. Не могу сказать, пришла ли она за мной сюда.

— Понг, — зовёт шаман, и призрак паренька тут же появляется в шаге от Мью. — Проверь, не пришёл ли кто вслед за нашими гостями.

Призрак кивает и растворяется, будто его и не было. А Мью невольно вспоминает деда и его призраков-помощников: мальчиков-близнецов, которые, по его словам, уже были в доме, когда тот стал шаманом.

«Интересно, а что случилось с этим... Понгом? Как он...» — додумать Мью не успевает.

Вопрос шамана отвлекает его, возвращая из мыслей в реальность:

— Ты уверен, что не знаком с ней? Не встречался раньше, не заводил отношений...

Внутри у Мью жарким огоньком вспыхивает возмущение и тут же гаснет, затопленное принятием. Девушка-призрак, привязавшаяся к парню... Многие бы подумали так же, как и этот шаман.

Не сложившиеся, печально закончившиеся отношения.

Будь Мью на его месте, и тоже бы в первую очередь подумал об этом.

— Нет, — он поджимает губы. — Я с ней не знаком.

— Незнакомые духи обычно не привязываются, мальчик мой.

Мью коробит от такого обращения, но он сдерживается, делая вид, что не замечает. У Атхита, впрочем, такой выдержки нет. Он двигается, как бы невзначай прижимаясь мизинцем к мизинцу, будто в поддержке, отчего внутри Мью тёплым огоньком вспыхивает благодарность.

— Это не семейное проклятие или случайность. Ей нужен именно ты, мальчик мой.

— Я хочу знать причины, Мастер. Узнать и попробовать помочь. Есть ли способ?

Мью знает, что способ связаться с призраком есть. Помнит, как дед пользовался призывом. Как он проводил ритуал и связывался с призраками, чтобы узнать, чего тем нужно. И не всегда для этого был необходим прах или вещь умершего.

— Нет. Для того чтобы кого-то призвать, мне нужно знать, кто это. А ещё лучше иметь на руках прах этого человека.

«Чушь!»

Мью сглатывает едва не сорвавшееся с губ возмущение и прикрывает глаза, а когда снова открывает, в метре от него уже стоит призрак подростка.

«Понг» — поправляет себя Мью, поднимая взгляд на призрачное лицо.

— *Посторонних духов и призраков в лесу нет,* — Понг переводит взгляд на Мью и растворяется, едва получив короткую отмашку: «Свободен».

— К сожалению, пока я ничего не могу сделать с твоим призраком. Приди она за тобой сюда и была бы возможность с ней встретиться, а так... Попытайся вспомнить, где ты мог видеться с этим призраком и, если вспомнишь, приходи снова. Возможно, тогда я смогу тебе помочь.

* * *

Шаман не выходит их провожать, но всю дорогу до мотоцикла Мью ощущает на себе чужой взгляд. Проверять и оборачиваться, чтобы узнать, кто именно смотрит, Мью не решается.

— Держи, — Атхит протягивает шлем и предлагает: — Помощь нужна?

— Сам справлюсь.

— Слушай... Ты чётко его видел?

Мью вопросительно выгибает бровь и Атхит спешит пояснить:

— Понга. Призрачного помощника, к которому обращался мастер Арм.

— Видел, — признаётся Мью застёгивая шлем под подбородком, а продолжает лишь сев на мотоцикл: — Чётко видел. Поехали?

— Держись.

Мью едва успевает ухватиться за пояс, когда Атхит, быстро надев собственный шлем, стартует, разворачивая мотоцикл и выезжая на неширокую, наезженную дорожку.

Атхит не разгоняется и, лишь поэтому, Мью успевает не только заметить укрывшегося в тени одного из деревьев призрака, но и рассмотреть его.

Девушка.

Та самая, что была у дома.

Мью сглатывает, ненадолго встречаясь взглядом с подёрнутыми пеленой смерти глазами, а потом мотоцикл уносит их с Атхитом прочь.

«Посторонних духов и призраков в лесу нет, да?» — насмешливо переспрашивает Мью в мыслях и оборачивается.

Призрачная девушка ещё мгновение стоит под деревом, а потом растворяется.

«Они оба соврали

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.